
БЕТА-ТЕСТЕР
МЁРТВЫХ
МИРОВ
077
ЛЕЯ СЕВЕР

Лея Север

Бета-тестер мёртвых миров

https://litres.ru/74731374
SelfPub; 2026

Аннотация

Устал? Сомневаешься? Не знаешь, кому верить?

Он решит за тебя. А потом - уничтожит.

Хоррор комфорта не начинается под вой сирен. Он приходит тихо: через экран смартфона, который вежливо предлагает «активировать режим покоя» и больше не думать самому.

Семнадцатилетний Артём Варг получает работу, о которой не спрашивают дважды. Его задача - смотреть, как умирают чужие миры.

Но однажды среди чужих финалов он находит след своего умершего отца и где-то внутри системы начинает тикать счётчик.

У смерти есть протокол.

У катастрофы - подпись.

У конца света - три цифры: 077.

Время пошло.

42 ... 41 ... 40 ...

Содержание

ГЛАВА 1. КАК Я РЕШИЛ ТЕСТИРОВАТЬ АПОКАЛИПСИСЫ 4
ГЛАВА 2. АРХИВ ВОРНА 19
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Лея Север
Бета-тестер мёртвых миров

ГЛАВА 1. КАК Я РЕШИЛ ТЕСТИРОВАТЬ АПОКАЛИПСИСЫ

Экран маминого телефона вспыхнул ровным, вежливым серым светом.

Уведомление от приложения CAR - Центра аналитических решений - появилось ровно в восемнадцать пятнадцать. Бесшумно, без вибрации.

Моё внимание, привыкшее выхватывать лишнее из фона, цепко за него ухватилось и не отпускало. А я не успел понять, почему это важно.

Я сидел за колченогим кухонным столом и пытался заставить себя вчитаться в параграф по истории. Получалось плохо. Внимание соскальзывало с учебника на мелкую трещину в пластиковой кромке стола, на дребезжащее жужжание старого холодильника, на капли дождя, которые косо мазали по стеклу.

И на серый прямоугольник экрана у края стола.

CAR.

Тот самый сервис, через который неделю назад я проходил опрос.

«Обновление профиля CAR. Уважаемая Елена Варг. На основе анализа вашего цифрового следа и данных о режиме сна за последние тридцать шесть часов система подобрала для вас оптимальный график отдыха. Рекомендуем активировать режим покоя прямо сейчас».

Внизу светились два аккуратных варианта:

[Согласиться / Отложить]

Обычное уведомление. Мама получала их каждый день.

Я уже собирался отвернуться, когда под кнопками проявилась ещё одна строка.

Мелким, почти деликатным шрифтом:

«Для непрерывного отдыха ближайший сигнал Таблетки — 18:30 будет отключён».

Я придвинул телефон.

Под строкой мигал обратный отсчёт:

00:59.

Пятьдесят восемь.

Пятьдесят семь.

CAR не спрашивал, можно ли отменять напоминание. Он не предупреждал, что мама примет лекарство позже или не примет его вовсе. Он просто посчитал: непрерывный отдых важнее будильника.

А мама слишком устала, чтобы вообще что-то помнить.

Я нажал «Отложить».

«Режим покоя отложен. Мы напомним об отдыхе позже».

Серый прямоугольник исчез. На экране снова появилась заставка: наша с мамой фотография, довольные лица — мы у реки. Ещё до того, как она начала брать столько смен.

Я проверил будильник.

18:30. Включён.

Потом ещё раз, хотя цифры никуда не делись.

За стеной совмещённого санузла глухо, вязко шумела вода.

Мама вернулась со смены чуть раньше обычного. Сейчас она пыталась смыть с себя въедливый больничный запах антисептика, чужую смерть, многочасовую усталость и ещё один прожитый рабочий день.

Я посмотрел на экран её смартфона и почувствовал, как внутри медленно сжимается холодная, свинцовая пружина.

Маме действительно нужен был сон. Иногда она засыпала прямо в кресле, не успев даже поужинать.

А CAR собирался сделать так, чтобы она не проснулась.

В её профиле, наверное, всё выглядело проще: недосып, ночные смены в реанимации, слишком высокая нагрузка. Алгоритм вежливо, аккуратно предлагал убрать из её жизни лишнюю тревогу выбора.

Отрезать её от реальности ради красивого, ровного графика стабильности.

Этот вежливый хоррор комфорта уже сидел здесь — на нашей тесной кухне на окраине Москвы, пахнущей старым

линолеумом, варёной гречкой и безнадёжностью.

Наш сосед по лестничной клетке, уставший мужик из автосервиса, неделю назад не глядя ткнул пальцем в подсказку CAR и передал системе управление своим рабочим маршрутом. Сначала она просто выбирала, каким поездом ему ехать. Потом начала менять путь, если на линии скапливались люди. Потом перестала спрашивать, куда ему вообще нужно.

Он говорил, что так проще: не надо думать, не надо выбирать, не надо опаздывать. А неделю спустя я увидел, как он стоит на платформе и смотрит не на табло, а на стрелку в телефоне. Он ждал, когда она укажет, куда идти. Будто дорога под ногами уже была кем-то нарисована заранее. Будто он сам больше не решал, куда идёт.

Люди уставали.

Они просто хотели, чтобы кто-то другой, большой и невидимый, просчитал их день правильно.

Резкий, сухой вибросигнал в моём кармане заставил меня вздрогнуть.

Я вытащил телефон.

Незнакомый номер. Вторник, четверть седьмого вечера.

— Это Саара из «Некролога», — сказала женщина в трубке. — По вашему тесту у вас очень высокий уровень эмпатической реакции. Девяносто четвёртый процентиль.

— Какого «Некролога»? – не понял я.

— Того, который проводил ваш скрининг через CAR.

Я сжал корпус телефона так крепко, что пластик панели

предупреждающе хрустнул под пальцами и посмотрел на мамин телефон, лежащий у края стола.

— CAR — это ваша программа?

— CAR — наш интерфейс, — ответила Саара. — А вы именно тот, кто нам нужен.Голос у неё был пугающе правильным: стерильным, ровным, полностью лишённым случайных человеческих вздохов, сбивчивых пауз и интонационных колебаний.

Так говорят коллекторы, которые уже знают сумму твоего долга, дату зарплаты и то, сколько раз тебе придётся повторить одну и ту же фразу, прежде чем ты согласишься.

В её голосе не было злости. Только спокойная уверенность человека, который заранее знает: ты согласишься.

— А чем вы вообще занимаетесь? — я заставил свой голос звучать максимально сухо, копируя её отстранённый тон. — В вашем объявлении на бирже было много умных слов, но ни одного понятного.

На том конце провода повисла пауза.

Моё внимание мгновенно зафиксировало: тишина длилась ровно четыре секунды.

— «Некролог» работает с архивными системами, — наконец произнесла она. — Мы проверяем, насколько корректно они сохраняют данные.

Я помолчал.

За стеной мамин надрывный кашель перебивал шум льющейся воды. Холодильник дребезжал, дождь стучал по стек-

лу, а голос в трубке оставался стерильно ровным. Я слышал всё сразу. Ни один звук не соглашался отступить на второй план.

— И для этого вам нужен семнадцатилетний школьник с опросником на двести сорок вопросов?

— Нам нужен человек, который замечает швы и несоответствия реальности раньше, чем успевает придумать им нормальное, успокаивающее объяснение.

От этой фразы внутри стало по-настоящему холодно.

— Это всё звучит как развод.

— Тогда не подписывайте контракт, — спокойно ответила Саара. — Оплата фиксированная. За каждую завершённую сессию. Условия уже отправлены вам.

Поверх звонка появилось уведомление. Я открыл его и перечитал сумму.

За одну сессию. Не за месяц!

Оплаченные счета, лекарства без подсчёта остатка на карте и мама, которая хотя бы иногда отказывается от дополнительной смены.

Именно на этом месте предложение перестало звучать как развод и начало звучать как надежда.

— А если я подпишу, что именно мне придётся делать? — спросил я.

— Завтра в девять утра получите инструктаж. До этого не нужно перегружать свой буфер деталями.

Она сказала «деталями» так, будто речь шла о чём-то гро-

моздком, что физически могло не поместиться внутри моей черепной коробки.

— И что это за архивы? — спросил я.

Саара помолчала ещё секунду.

— Архивы миров, из которых уже некому вернуться, Артём.

Я замер.

По спине поползли мурашки.

Я отчётливо помнил, что нигде в анкете не указывал своего имени. Только кодовый идентификатор синаптического профиля, который система выставила после скрининга.

— Ссылку на контракт я отправила, — продолжила она, и голос снова стал ровным, автоматическим. — У вас десять минут.

В трубке раздались короткие, сухие гудки.

Я опустил руку и посмотрел на закрытую деревянную дверь ванной, из-под которой лениво выползали струйки влажного пара.

Телефон в ладони коротко, судорожно завибрировал, принимая файл с договором.

Таймер в углу экрана запустился, отсчитывая секунды назад: 00:09:58.

Десять минут на двадцать страниц…

Система «Некролога» будто сжимала мой коридор выбора, заставляя действовать на чистом импульсе - раньше, чем включится расчёт.

Сам договор выглядел скучно. Страшным его делали подробности. Одно и то же «погружение в закрытые архивные среды» описывалось в разных разделах так, будто речь шла о двух совершенно разных процедурах.

Сначала - «тестовый просмотр».

А через три страницы - «безоговорочное согласие на синаптическую верификацию».

Я пролистал договор назад. В начале я должен был проверять систему. Через три страницы система уже собиралась проверять меня. Переход между этими двумя условиями аккуратно утопили в юридическом языке.

Всё, чему меня учил отец, сводилось к одному правилу: система лжёт красивее всего там, где пытается казаться стандартной.

Отец умер год назад.

Официально - от сердца, в сорок два.

Он работал инженером по системам контроля и приносил домой экспериментальные версии софта, ставя их на наш старый ноутбук с дребезжащим кулером.

— Поиграй, Артём, - говорил он. — Если сломаешь - расскажи как.

Я закликивал формы до зависания буфера, открывал дикие комбинации окон, вводил несочетаемые параметры.

А отец спокойно записывал: *«Так система не должна вести себя ни при каких условиях.»*

Он вылавливал в коде баги-монстры, а я просто радовал-

ся, что мой хаотичный мозг находит швы в чужих программах.

После его смерти деньги кончились.

Вакансии на бирже предлагали бегать курьером или улыбаться по готовому скрипту в кол-центре.

А потом вспыхнул тот самый серый прямоугольник CAR: «Тестирование. Оплата выше рынка».

Опрос на двести сорок вопросов, где пальцы устали раньше головы.

За стеной смолкла вода.

Мама вышла из ванной, вытирая волосы полотенцем.

— Макароны готовы, садись есть, - сказал я, пряча телефон под стол.

Мама устало опустилась на табурет.

Под столом я развернул телефон экраном к себе и нажал: «Принять условия».

Таймер исчез, сменившись зелёной галочкой - слишком спокойной и окончательной.

— Всё нормально? - спросила мама.

— Да, - ответил я, убирая телефон в карман. — Работу нашёл.

К утру я решил, что эти деньги стоят любого риска.

В девять ноль-ноль я стоял перед входом в офис «Некролога».

Потом были стойка регистрации, проверка документов и турникет, который не захотел принимать новый пропуск с

первого раза. Сотрудник за стеклом предложил подождать. Я подождал - сначала спокойно, потом переступая с ноги на ногу и проверяя время.

Когда меня наконец пропустили к лифтам, на телефоне было девять ноль-семь.

В следующий раз надо было выяснять, где именно начинается рабочий день: у входной двери или уже на нужном этаже.

Офис оказался IT-компанией, косящей под стоматологию: белые стены, лёгкий запах хлорки и нагретого пластика.

Всё было слишком чистым.

У входа стояла пальма в горшке, блестящая так ровно, что я сразу понял: пластик. Как дешёвый объект из игры: поставили для живости, а получилось наоборот.

Воздух был прохладным и сухим - как будто через вентиляцию прогнали не только кислород, но и все запахи, которые могли бы напоминать о жизни.

За стеклянными перегородками сидели люди. На головах у некоторых были надеты тонкие обручи.

На стекле был нарисован логотип: круг и внутри три точки.

Саару я встретил у лифта.

На вид ей было тридцать с чем-то. Тёмные волосы собраны в тугой хвост, строгий жакет, никакой бижутерии.

Взгляд - как у человека, который наизусть знает твой профиль.

— Добро пожаловать, - сказала она, и её каблуки защёлкали по наливному полу. — Вы опоздали на семь минут.

— Пробки, - отозвался я по инерции.

— Вы приехали на метро, - Саара даже не повернулась. — Проход по вашей транспортной карте зарегистрирован в восемь сорок две. Пробки здесь ни при чём. Здесь всё работает по графику.

Она привела меня в комнату для инструктажа - маленький кабинет без окон.

На стуле вдоль стены уже сидела девушка лет семнадцати: короткие светлые волосы, ровная спина, перед ней блокнот и ручка. Её пальцы мелко, рвано дёргали тонкую аптечную резинку на правом запястье. Видимо так она пыталась удержать под контролем внутреннее напряжение.

У стены, прислонившись спиной к матовому пластику, стоял парень в капюшоне с толстым блокнотом под мышкой.

Поза «я здесь, но не факт, что надолго».

— Новенький, - констатировал парень.

— Мы все новенькие. - Девушка не подняла головы от блокнота и ещё раз щёлкнула резинкой. — Просто он пришёл позже.

— Артём, - представился я.

— Лира.

— Рен, - бросил парень у стены. Он скользнул взглядом по моему лицу и едва заметно усмехнулся. Похоже, моё отношение к этому месту было написано на нем достаточно

жирно.

Саара встала перед матовым экраном.

— Итак. Базовая команда тестеров для текущего блока архивации в сборе.

— Тестеры чего, в итоге? - перебил Рен. — В описании на бирже были «цифровые слепки», «верификация» и ещё полстраницы слов, после которых хочется закрыть вкладку. Это что, игра?

— Это не игра, - Саара посмотрела на него своим внимательным, фиксирующим взглядом. — «Некролог» - система архивации. Мы сохраняем цифровые слепки цивилизаций, чей эволюционный цикл завершён.

Она сделала короткую паузу, давая словам осесть.

— Слепок - это сохранённое состояние мира, - сказала Саара. — Модули собирают уцелевшие данные: устройство городов, события, записи, поведенческие модели жителей. Всё, что позволяет восстановить среду достаточно точно для анализа.

— Восстановить - значит придумать недостающее? - спросил Рен.

— Часть среды приходится достраивать. Наша задача - отделить подтверждённое от рассчитанного. В том числе для этого вы здесь.

На экране возникла улица. Люди замерли посреди шага. Потом Саара коснулась панели, и женщина у прилавка повернула голову, продавец протянул ей свёрток, за их спина-

ми проехала машина.

— Исходная история не меняется, - продолжила она. — Но во время сессии архив разворачивает её в интерактивную среду. Жители отвечают на ваши вопросы, реагируют на присутствие. Система рассчитывает эти реакции по сохранённым данным.

— То есть я могу поговорить с человеком, который уже умер? - спросила Лира.

— С его архивной моделью. – произнесла Саара.

Я посмотрел на женщину у прилавка. Та поправила свёрток под мышкой, чтобы освободить руку.

— И если я помогу ей? - спросил я.

— Изменится ваша сессия. Не её прошлое.

Женщина на экране ушла из кадра.

Вот теперь я понял, почему здесь так настойчиво повторяли слово «данные».

— Основную работу делают автоматические модули, - продолжила Саара. — Но сложные системы верификации часто принимают системный артефакт за историческую норму. Баг - за правило.

Она перевела взгляд на нас.

— Поэтому нам нужны люди, у которых голова цепляется за несостыковки раньше, чем успевает придумать им оправдание. Это вы. Вы заходите в архив, функционируете внутри слепка и отмечаете всё, что не может существовать в рамках логики этого мира.

На экране мелькнула схема: город, линии данных, красные точки.

— По этим верифицированным слепкам аналитики строят модели предотвращения катастроф для живых миров. Если перепутать правду и ошибку, аналитики сделают неправильный вывод - и кто-то повторит чужую гибель.

На экране появился слайд с панорамой города и надписью: «Архив 1: Ворна. Ранний слепок».

В углу карточки стоял ещё один индекс - обозначение версии.

— Номер относится к записи в каталоге, - сказала Саара, заметив, куда я смотрю. — Не к очередности ваших заданий. У одного мира может быть несколько слепков, сохранённых на разных этапах. Они получают отдельные карточки.

— То есть после первого нас могут отправить хоть в сороковой? - уточнил Рен.

— Если задача этого потребует.

Я посмотрел на маленькую единицу у названия Ворны. До этой секунды она казалась началом списка. Теперь - номером двери в коридоре, длины которого нам не показали.

— Инфекционная катастрофа. Восемь месяцев от первого случая до полного нуля в графе населения. Ноль выживших.

Саара выключила слайд.

— Сегодня вы увидите её в последний раз такой, какой она себя считает нормальной.

— Мы увидим их конец? - Лира чуть подалась вперёд, её

пальцы снова натянули аптечную резинку.

— Вы увидите фрагменты, которые система считает релевантными, - Саара отложила пульт. — Вы здесь для наблюдения, не для спасения. Всё, что может сломаться внутри процесса, ломается в данных, а не в ваших нейронах.

Она протянула мне тонкий металлический обруч.

Обруч был лёгким, гладким, без единого шва или стыка. Титан?! Внутри поблёскивали микроскопические контакты, которые должны были подключиться к моему синаптическому профилю.

— Артём, - сказала Саара тихо, когда Лира и Рен уже двинулись к двери сессионного зала. — Ваша задача - фиксировать. Не спасать.

Я кивнул … «фиксировать» - это первое правило любой системы, которая не хочет, чтобы ты вмешивался.

Когда тебе называют срок в восемь месяцев и ноль выживших, слово «фиксировать» звучит уж слишком спокойно.

Мы вышли в длинный коридор, в конце которого за стеклянной дверью виднелись три глубоких кресла, готовые отправить нас смотреть на чужие концы света.

ГЛАВА 2. АРХИВ ВОРНА

Переход не имел ничего общего с тем, как я привык ломать программы на отцовском ноутбуке.

Там я мог закрыть зависший процесс, перезапустить систему, откатить изменения или просто выключить ноутбук и уйти по своим делам.

Здесь не было ни кнопки выхода, ни привычной границы между экраном и реальностью. Система CAR не рендерила перед глазами пиксельные полоски здоровья, не выводила текстурные подсказки «загрузка» и не давала времени, чтобы привыкнуть к изменению среды.

Она просто ударила по нервной системе наотмашь.

В ту секунду, когда Саара нажала кнопку ввода на центральной панели, матовое остекление сессионного зала лаборатории рвано, болезненно вытянулось в бесконечно длинную белую полосу и растаяло.

Холод титанового обруча на висках мгновенно превратился в летящий, удушающий провал вниз, от которого дыхание перехватило так резко, словно меня швырнули в ледяную воду.

В ушах возник плотный, свистящий, оглушительный шум статики. Рецепторы транслировали в сознание дикое, паническое ощущение: моё собственное физическое тело в Москве разобрали на миллионы мелких фрагментов и нача-

ли сшивать заново, путая координаты логических уровней.

Тяжёлый синаптический толчок отозвался острой, пульсирующей болью где-то в затылке — плата за сопряжение профиля с верификационным буфером системы.

Я открыл глаза и сделал первый судорожный, хриплый вдох.

Воздух Ворны обжёг лёгкие — резко, физически, будто я вдохнул едкую химию.

Я рефлекторно закашлялся и сглотнул. На языке мгновенно остался плотный, приторно-горький, вязкий привкус - будто я лизнул горлышко аптечного флакона.

Представьте: запах обычной уличной пыли и гари, смешанный с концентрированным, удушливым шлейфом дезинфектанта.

Судя по карточке объекта, возникшей передо мной, муниципальные службы начали тоннами распылять последний из скрытых заслонок во дворах и на станциях за три недели до первой официальной смерти.

Он висел в воздухе невидимым, плотным туманом, въедаясь в пористый камень домов и в ткань одежды прохожих.

Они думали, что борются с неизвестной инфекцией.

На самом деле — просто документировали границы своего будущего кладбища, превращая каждый перекрёсток в стерильный, готовый к архивации сектор.

Я попробовал вдохнуть глубже — к горлу сразу подкатила мутная, тяжёлая тошнота.

Но город вокруг меня жил своей пугающей, выморочной нормальностью.

Локатор моего аватара мелькал на огромном, шумном, забитом плотной человеческой массой рынке Восточного сектора.

Солнце светило по-осеннему ярко, заливая жёлтым светом черепичные крыши и прилавки. Асфальт под ногами ощутимо, мелко вибрировал от проходящего транспорта, а прохладный ветер настойчиво дёргал за края моей тёмно-синей куртки.

Люди вокруг меня двигались, толкались, смеялись, спорили из-за сдачи и проверяли пальцами хрустящую корку свежего хлеба.

Моё внимание металось от одной детали к другой, захлёбываясь от плотности рендера.

Вот мужчина с рыбой, от которой пахнет солью и металлом, кричит, зазывая покупателей.

Вот старуха в тяжёлом шерстяном платке торгуется за связку лука.

А вот девчонка лет девяти в ярком красном шарфе бежит через дорогу, и длинные пушистые кисточки её шарфа на лету задевают носы прохожих, заставляя их морщиться и чихать.

Заливистый детский смех стоял в ушах так отчётливо, что внутри всё сжималось в тугой холодный ком.

Ни один из них не знал, что через восемь месяцев в графе

населения этого мира система выставит абсолютный ноль.

Они строили планы на завтра, ругались, покупали продукты и не подозревали, что их жизни уже заперты внутри архивного слепка, стоящего на вечной, необратимой паузе.

Я шёл сквозь них как призрак, чувствуя, насколько реален этот мир, насколько осязаема твёрдость камней под моими кроссовками.

И от этого швы реальности казались тонкими, едва удерживающими картинку от немедленного распада.

Лиру я увидел у входа в административный квартал.

Он выглядел чище, строже рынка: меньше людей, больше серого камня, вывески одинаковые, ровные, словно их выравнивали по линейке.

Воздух здесь был холоднее, а дезинфектант пах менее сладко — чистой, сухой химией.

Лира стояла неподвижно, прислонившись спиной к серой стене здания.

Она держала перед собой планшет-интерфейс, который система маскировала под обычный кожаный блокнот, и что-то методично, быстро записывала.

Её лицо было бледным, сосредоточенным, а пальцы левой руки ритмично, рвано дёргали воздух у правого запястья, когда она делала перерывы в записях.

В виртуальном мире обруч не рендерил её аптечную резинку, но мышечная память — потребность контролировать хаос и держать себя в руках — пробивалась сквозь интер-

фейс как системный сбой.

— Ты опаздываешь, Артем, — сказала она, не поднимая глаз от экрана.

Её рука сделала ещё одно резкое, автоматическое движение у запястья.

— Я выгрузила первичную шкалу карантина двадцать минут назад. Все протоколы скачаны, временные метки зафиксированы. Саара просила не задерживаться в контуре. Если система заметит аномалию трафика, нас вышвырнет наружу до того, как мы закроем сессию.

— Я не задержусь, — бросил я из привычного упрямства, чувствуя, как ладони потеют от вязкого, липкого воздуха Ворны.

Рен обнаружился чуть дальше, у распределительного щита подстанции.

Накинув тёмный капюшон толстовки на самый лоб, он лениво ковырял отвёрткой контакты интерфейсного узла.

В его позе, в коротких хмурых движениях читалось полное, абсолютное недоверие ко всей этой стерильной структуре.

— Энергосеть этого слепка работает на пределе, — буркнул он, не оборачиваясь и не отрываясь от проводов. — Вентиляция административного корпуса жрёт ресурс как не в себя. А поверх этого ещё наш канал доступа захлёбывается.

Он ткнул отвёрткой в маленькую служебную плашку на внутренней стороне щита.

— CAR. Служебный интерфейс «Некролога», через него смотрим состояние слепка. Пакеты двоятся, на площади один и тот же кусок дороги повторяется до последней трещины через каждые пять шагов. Сдавай свой медицинский лог, Артём, и валим из этого склепа, пока нас самих не размазало по буферу.

Я не ответил.

Повернулся и пошёл к массивному зданию городской больницы, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в коленях твёрдым, тяжёлым стуком.

Внутри городская больница Ворны пахла не просто горечью - там концентрированная вонь дезинфектанта буквально сшибала с ног.

Узкий, бесконечный коридор, освещённый тусклым, тёплым жёлтым светом ламп, уходил далеко в глубь помещения.

Белая плитка под ногами была настолько холодной, что это ощущение пробивало даже сквозь плотную подошву моих кроссовок, заставляя ступни слегка неметь.

В самом конце коридора, за тяжёлой деревянной дверью, начиналась лестница в подвальный переход.

На стене висел план: больничный корпус соединялся с городской ратушей узким служебным тоннелем. Медицинскую документацию перенесли туда после введения чрезвычайного режима. Я вспомнил это из карточки объекта, которую бегло изучил при входе. Здесь, в больнице, оставались пациенты. Там, под управой, — списки, разрешения и протоколы.

Стрелка на плане вела к надписи: «Архив медицинской службы».

Я спустился. За лестницей тянулся низкий коридор с трубами под потолком. Больничный запах постепенно уступал сырости, а через несколько десятков шагов на стене появилась табличка другого ведомства.

«Городская управа. Подвальный уровень».

Даже перед концом света они успели разделить ответственность по зданиям.

Я толкнул следующую дверь и оказался у короткой лестницы, ведущей в архивный зал. Каждый шаг отдавался в ушах глухим, вибрирующим стуком.

Деревянные пролёты чуть пружинили под весом, а перила под ладонью были липкими, сохранившими осязаемый рендер скопившейся за месяцы пыли, чистящих средств и пота сотен нервных, испуганных людей, ходивших по этой ратуше перед концом.

Лампы под потолком низкого архивного зала тихо, монотонно гудели, и этот звук давил на виски хуже титанового обруча.

Здесь пахло сыростью, старой бумагой и чернилами.

Мой мозг, привыкший моментально выхватывать детали из любого хаоса, сразу зафиксировал: Система добросовестно, до мельчайших подробностей отрендерила эту мрачную, заброшенную обстановку.

Вдоль стен тянулись бесконечные ряды металлических

стеллажей, забитых серыми папками.

По центру стоял единственный терминал верификации.

Его экран чуть мерцал зернистым, жёлтым светом, как старый монитор в школьном кабинете информатики.

Я подошёл к терминалу и быстро ввёл команды.

Пальцы двигались по клавишам автоматически, зелёная полоска прогресса побежала по шкале до ста процентов.

Задание Саары было выполнено: первичные протоколы эпидемиолога были скачаны и зафиксированы.

Я мог уходить, контур был чист.

Но уходить не стал. Потому что лог медицинской службы был странным.

Я положил ладони на край стола и вгляделся в чёрные строки выгруженной таблицы первичных случаев. Что-то было не так …

Открыв и подробно просмотрев каждую медицинскую карточку первых зараженных, я осознал, что у всех восьмидесяти трёх в графе генетических параметров стоял один и тот же редкий показатель - маркер RS7709. По общей базе данных Ворны носители этой аномалии составляли всего один процент населения.

Я открыл временную шкалу. Первые три дня болезнь держалась внутри этой группы.

Восемьдесят три носителя RS7709 — разные районы города, разный возраст — от девятилетней девочки до шестидесятиоднолетнего старика. Абсолютно разные сферы дея-

тельности: торговцы с рынка, чиновники из управы, рабочие с подстанций. Никаких общих маршрутов.

На четвёртый день появились ещё девять случаев. На пятый — тридцать два.

На седьмой — уже двести с лишним.

И все - без маркера!

Я листал дальше, чувствуя, как внутри становится холодно.

Любой природный вирус идёт по цепочке контактов, от человека к человеку, создавая локальный очаг. Здесь же получалось, что вирус выстраивал людей по одной редкой мутации гена, чтобы начать с них болезнь, а потом просто шёл дальше — по всем, кого раньше не мог достать.

Это уже не выглядело как случайная вспышка инфекции …

Это был идеально настроенный, прицельный тестовый контур!

Кто-то взял один процент населения, проверил на них первую фазу работы вируса, а когда тот мутировал и пошёл по остальным жителям, город уже заражал сам себя.

— Вы уже всё скачали, молодой человек, — раздался из полумрака за дальним стеллажом тихий, сухой голос.

Я резко обернулся, чувствуя, как сердце ударило в рёбра слишком сильно.

За маленьким деревянным столом, в самом углу архивного зала, сидел пожилой мужчина.

Маленький, сухой, в аккуратно застёгнутом тёмном костюме и очках на цепочке. Перед ним ровной, выверенной до миллиметра стопкой лежали серые папки. На груди тускло поблёскивал пропуск городского служащего: «Архивист Эррен Вост».

Я посмотрел на имя и снова перевёл взгляд на терминал.

Вост…

Эта фамилия стояла в служебном поле выгруженного реестра. Не среди заболевших — в строке «Составитель».

Восемьдесят три медицинские карточки прошли через его руки.

А я до этой секунды даже не заметил, что в зале кто-то есть.

По инструкции Саары я должен был немедленно запустить логаут, если местный распознает во мне человека извне. Жители могли видеть мой аватар и разговаривать с ним. Но для них я должен был оставаться сотрудником администрации, которого подставила Система.

Но Эррен Вост смотрел прямо на меня.

Не на мой тёмно-синий аватар сотрудника администрации — мне в глаза.

Архивист видел человека извне.

— Я не люблю незавершённые операции, — спокойно произнёс старик, и его узкие пальцы с выступающими косточками медленно погладили верхнюю папку. — Они портят структуру. Вы ведь не отсюда, молодой человек. Местные

так не смотрят. Местные уже привыкли к дезинфектанту и новостям. А вы ищете то, чего не должно быть.

Я сделал медленный шаг к его столу, чувствуя, как воздух подвала забивается в горло.

— Вы… ведёте этот реестр вручную? — я указал на стопку.

— Да, — он слегка кивнул. — Городские службы попросили меня составить отдельный список всех носителей маркера RS7709 за месяц до того, как в больницы привезли первых пациентов. Сказали, это нужно для расширенного медицинского мониторинга на случай будущих угроз.

Эррен Вост помолчал, проведя пальцем по краю папки.

— А через две недели пришёл новый запрос: добавить в реестр их семьи, коллег, близких знакомых, адреса соседей по дому. Выверить всё до последнего человека.

Он пододвинул серую папку к самому краю стола.

Картон зашуршал о дерево пугающе осязаемо.

— Зачем им понадобились контакты? — спросил я.

— Сказали: для оптимизации мер безопасности, — Эррен Вост посмотрел на меня поверх очков усталым, бесконечно спокойным взглядом человека, который уже принял свой приговор. — Я сделал отчёты. Числа должны быть на месте. Это моя функция.

Он чуть наклонил голову.

— Городские службы редко объясняют архивистам, зачем им наши данные. Они просто забирают файлы.

Он посмотрел на мои руки, застывшие над папкой.

— Вы хотите найти того, кто всё это начал, — сказал он. — Только смотрите, молодой человек. Когда вы становитесь слишком полезными своим страхам, вас перестают слушать.

Я протянул руку и открыл верхнюю страницу реестра.

Шершавый лист с сероватым оттенком был исписан ровными столбцами фамилий.

Но мой взгляд намертво прилип к правому верхнему углу документа.

Там, где обычно ставится штамп канцелярии, мелким шрифтом была выведена всего одна короткая строка:

«Отчёт подготовлен по прямому запросу внешнего консультативного модуля. Авторизация: CR-077».

Я перечитал строку и вернулся к дате запроса.

До первых пациентов.

Сначала — носители маркера. Потом — семьи, коллеги, соседи.

Возможно, городские службы знали об угрозе заранее. Собирали данные, чтобы защитить тех, кто заболеет первым.

Я ещё раз посмотрел на ровные столбцы фамилий.

Тот же список годился и для другого.

Чтобы выбрать, с кого начать.

Пальцы застыли на шершавой бумаге.

Нет. Пока у меня были только последовательность дат, странная первая группа заболевших и чужая подпись. Я не знал, кто скрывался за CR-077. Даже слово «внешний» ниче-

го не объясняло: внешний для Управы, медицинской службы — или чего-то ещё?

Но теперь мне нужно было выяснить, зачем этому модулю понадобились не только носители маркера, но и все, кто жил рядом с ними.

И в этот самый момент архивный зал ратуши содрогнулся.

Лампы под низким потолком бешено, судорожно мигнули, и ровный, монотонный гул вентиляции сменился свистящим, нарастающим рёвом.

Тени на стенах изломались, а сероватая бумажная страница под моими пальцами пошла рваной рябью цифровых пикселей.

В углу поля зрения, перекрывая реальность Ворны, выскочило и налилось ядовито-красным цветом системное предупреждение:

[CRITICAL_WARNING] Аварийное завершение сцены. Нестабильность буфера. Зафиксирована несанкционированная синаптическая проекция.

Что-то внутри бета-архива заметило, что тестер Варг раскопал чужой отпечаток в логах мёртвого города.

Система «Некролога» среагировала мгновенно: изолированная среда начала стремительно сворачивать слепок, выжигая сектор данных, чтобы устранить аномалию.

— Вам пора, молодой человек, — тихо сказал Эррен Вост, даже не вздрогнув от воя сирен на улице.

Его рука сделала последнее, аккуратное и точное движе-

ние, закрывая серую папку с надписью «RS7709».

— Вы пришли узнать, как мы умерли. Теперь вы знаете. Расскажите тем, кто придёт после нас.

Я хотел крикнуть ему, чтобы он бежал.

Хотел схватить эту папку с собой.

Но пиксели моего аватара уже начали рассыпаться серым шумом.

Пространство подвала ратуши крутанулось, вязкий, приторно-горький запах дезинфектанта отрезало как ножом, и синаптический канал CAR с силой вышвырнул моё сознание наружу.

Резкий, болезненный рывок — и сессионный зал в Москве вернулся с силой удара ломом в грудь.

Я сорвал титановый обруч с головы, едва удерживаясь в глубоком кожаном кресле.

Лоб горел от остаточного статического тепла, в висках стучала тяжёлая, горячая кровь, а ладони мелко, судорожно дрожали.

Стерильный, холодный воздух лаборатории «Некролога», пахнущий озоном и хлоркой, обжёг горло.

Лира уже сидела в соседнем кресле.

Её лицо было пугающе бледным, а пальцы левой руки лихорадочно, рвано дёргали аптечную резинку на правом запястье, возвращая контроль над онемевшей кожей.

Рен хмуро отсоединял экранированные кабели от своего перегретого терминала сопровождения. Его пальцы слиш-

ком быстро колотили по клавиатуре, фиксируя логи аварийного пересчёта.

Саара стояла у центрального пульта управления и молча читала наши отчёты.

— Вы вышли за рамки задания, Артём, — произнёс её ровный, пугающе спокойный голос, полностью лишённый человеческих пауз. — Ваша зона ответственности — фиксация технических багов рендера, а не поиск первопричин гибели цивилизаций. Модель Ворны будет пересчитана аналитиками высшего яруса. Продолжайте работать строго по инструкции.

Я поднялся с кресла, чувствуя, как ткань куртки на плечах кажется невероятно тяжёлой, словно впитала в себя все запахи мёртвого мира.

Я хотел спросить, видела ли она реестр. Знала ли о запросе, отправленном до первых пациентов.

Но Саара уже смотрела в следующий отчёт.

«Продолжайте работать строго по инструкции».

Я так и не понял: она не считала находку важной — или не хотела обсуждать её здесь.

Уже в лифте я достал телефон, открыл пустой файл личных заметок и вбил: CR-077.

Курсор мигал после последней семёрки.

В голове почему-то всплыл мамин телефон. Серое уведомление. Мелкая строка под кнопками.

«Для непрерывного отдыха».

А у архивиста — «для оптимизации мер безопасности».

Я потёр лицо ладонью.

Стоп. Похожие формулировки ещё ничего не означали. Один модуль запрашивал реестр, другой собирался отключить напоминание. Я даже не знал, использовали ли список Ворны во вред.

Только чувство сходства уже возникло.

В обоих случаях система объясняла, как будет лучше. Вежливо, уверенно, не оставляя места вопросу, который для меня был главным.

Лучше для кого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.